ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 24.2.336.02,

созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

ПО ДИССЕРТАЦИИ

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 07.10.2025 № 68

О присуждении Добкину Алексею Геннадьевичу, гражданину Российской Федерации, ученой степени кандидата юридических наук

Диссертация «Стратегическое планирование как функция органов исполнительной власти» по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки принята к защите 17 июня 2025 г. (протокол заседания № 44) диссертационным советом 24.2.336.02, созданным на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации., адрес: 123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр.1 (приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20.07.2022 № 904/нк).

Соискатель Добкин Алексей Геннадьевич, 18 января 1995 года рождения.

В 2016 году с отличием окончил ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» по направлению подготовки 40.03.01. Юриспруденция с присвоением квалификации «бакалавр».

В 2018 году с отличием окончил ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция с присвоением квалификации «магистр», направленность (профиль) образовательной программы: Юрист в сфере государственного управления.

В 2021 году окончил очную аспирантуру ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации) с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь» (диплом об окончании аспирантуры серия 107704 № 0137227), приложением к диплому об окончании аспирантуры подтверждается сдача кандидатских экзаменов по специальности 12.00.14 – «Административное право, административный процесс».

В настоящее время работает директором Департамента евразийской интеграции Министерства экономического развития Российской Федерации.

Диссертация выполнена на кафедре административного права и процесса им. Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Научный руководитель – Сергей Алексеевич Старостин, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права и процесса им. Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Официальные оппоненты:

Чепурнова Наталья Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

Еремин Эдуард Викторович, кандидат юридических наук, руководитель по корпоративным проектам Юридического департамента АО «ВТБ Регистратор» дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», г. Москва в своем положительном отзыве, подготовленном доктором юридических наук, главным научным сотрудником отдела административного законодательства и процесса С.М. Зыряновым (отзыв подписан и.о. заведующего отделом административного законодательства и процесса, кандидатом юридических наук П.П. Кабытовым, утвержден доктором юридических наук, доцентом, заместителем директора федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» А.С. Емельяновым), отмечает, что диссертация А.Г. Добкина на тему «Стратегическое планирование как функция органов исполнительной власти» отвечает критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, установленным разделом II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а соискатель заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. В отзыве ведущей организации указывается на актуальность темы исследования, высокий теоретический уровень подготовленной диссертации, её научную новизну, теоретическую и практическую значимость.

Вместе с тем ведущая организация отмечает отдельные дискуссионные положения.

1. В первом положении, вынесенном диссертантом на защиту, содержатся два противоречивых тезиса: в соответствии с первым стратегическим планированием предлагается считать деятельность, направленную на создание институциональных и организационно-правовых механизмов определения и достижения целей и задач; второй тезис касается функции стратегического планирования, содержанием которой является утверждение целей и задач.

Полагаем, что соискателю в рамках публичной защиты следует уточнить, как соотносятся стратегическое планирование, как деятельность государства в лице его органов власти, и функция стратегического планирования, которой наделены органы государственной власти.

2. Стратегическое планирование в работе понимается только как формирование и утверждение долгосрочных целей и задач. Вместе с тем в процессе достижения указанных целей и решения задач происходят события, требующие внесения корректив в документы стратегического планирования. Совершенно очевидно, что корректировка целей и задач входит в содержание стратегического планирования. Не случайно федеральный законодатель включил в механизм стратегического планирования мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования. В этой связи возникает вопрос о роли и месте мониторинга и контроля в предложенном автором понимании стратегического планирования.

3. Несмотря на то что различные аспекты документов стратегического планирования подверглись в работе глубокому исследованию, результаты которого выражены в положениях 3 — 6, вынесенных на защиту, юридическая характеристика указанных документов диссертантом не представлена. В частности, соискателю необходимо было бы ответить на вопрос о нормативном или ненормативном характере положений документов стратегического планирования.

4. Действующее законодательство о стратегическом планировании предусматривает осуществление мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования. В то же время автором предлагается нормативное закрепление контроля не только на этапе реализации документов стратегического планирования, но и на этапе их разработки (с. 179). Предлагается ответить на вопрос — в чём, по мнению автора, должен заключаться предмет осуществления такого контроля, и какие результаты его реализации предполагается получить?

5. Диссертант называет «майские» указы Президента РФ подзаконными актами, отмечая, что их статус не урегулирован Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации». При этом, как отмечается в работе (с. 12), создаются параллельные подсистемы стратегического планирования. В целях восстановления единства механизма стратегического планирования предлагается синхронизировать цели, определяемые указами и иными документами стратегического планирования. Представляется, что такое половинчатое решение не устраняет параллелизм, разрушающий единый механизм стратегического планирования.

Дав положительные оценки диссертации А.Г. Добкина, официальные оппоненты отметили ряд её дискуссионных положений.

Официальный оппонент - Чепурнова Наталья Михайловна, доктор юридических наук, профессор, ставит следующие вопросы.

1. Не вполне ясно, существует ли с точки зрения А.Г. Добкина какая-либо разница между функциями исполнительной власти и функциями органов исполнительной власти. Диссертационное исследование называется «Стратегическое планирование как функция органов исполнительной власти», однако в тексте акцент на функциях органов исполнительной власти отсутствует, а речь, как правило, идет о функциях исполнительной власти в целом (даже в тех

случаях, когда А.Г. Добкин использует термин «функции органов исполнительной власти»). Кажется, и сам автор чувствует некоторую надуманность постановки вопроса о функциях именно органов исполнительной власти, так как выражение «функции органов исполнительной власти» встречается в диссертации 18 раз, а выражение «функции исполнительной власти» — 20 раз. Данный тезис подтверждает и тот факт, что иногда А.Г. Добкин прямо отождествляет или специфическим образом смешивает функции органов исполнительной власти и функции исполнительной власти как таковой.

Если функции исполнительной власти — это направление деятельности органов исполнительной власти, то чьим направлением деятельности являются функции органов исполнительной власти? Если функции исполнительной власти реализуют органы исполнительной власти, то кто реализует функции органов исполнительной власти? А если между рассматриваемыми категориями нет никакой разницы, то для чего автор попеременно использует то один, то другой термин? Ведь это только запутывает читателя. Думается, что автору следует прояснить свою позицию по данному поводу.

2. Автор утверждает, что «родовым понятием в отношении функций исполнительной власти являются функции государства» (стр. 26). Между тем исполнительная власть называется исполнительной именно потому, что ее деятельность (функции) заключаются в исполнении законов, из-за чего она и называется подзаконной. Не значит ли это, что родовым понятием для функций исполнительной власти (функций органов исполнительной власти) выступают не только и не столько функции государства, сколько функции права? С учетом того что диссертация выполнена в рамках научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, игнорирование вопроса о соотношении функций права (функций публичного права, функций административного права) и функций органов исполнительной власти можно отнести к упущению автора при подготовке диссертации, тем более что связь между функциями права и функциями государства неоднократно затрагивалась специалистами в области теории государства и права. В 2014 году, например, была опубликована фундаментальная монография Тимофея Николаевича Радько «Теория функций права», в которой подробно рассматривался данный вопрос. Если же говорить о функциях сугубо административного права, то здесь диссертанту следовало бы обратить внимание на работы Сергея Викторовича Ведяшкина.

3. В четвертом положении, выносимом на защиту, автор предлагает собственные определения документов стратегического планирования: прогнозов, доктрин, концепций, стратегий, программ. Каждому из указанных документов дается отдельная дефиниция, что выглядит вполне логичным решением, однако стратегии и программы автором объединены общей дефиницией. Диссертант пишет: «Стратегии и программы — разрабатываемые и утверждаемые в установленном порядке уполномоченными государственными органами нормативные правовые акты, определяющие долгосрочные цели и задачи долгосрочного развития, а также механизмы их достижения» (стр. 11). Означает ли это, что стратегии и программы по мнению диссертанта не отличаются по своей сути ни по каким признакам? Тогда почему в таком случае используется два термина, а не один? Может быть, при данном подходе автору следовало бы тогда написать не «стратегии и программы», а

«стратегии (программы)»? Представляется, что данный вопрос также требует уточнения со стороны диссертанта.

4. В девятом положении, выносимом на защиту, автором предлагается комплекс мер, направленных на совершенствование процесса стратегического планирования органов исполнительной власти. К числу таких мер автор относит вовлечение представителей общественности, стимулирование хозяйствующих субъектов к добровольному принятию обязательств по участию в достижении стратегических целей и задач государства, а также развитие системы контроля за исполнением документов стратегического планирования. Хотелось бы узнать, почему в этом перечне не указана ответственность за нарушение или неисполнение документов стратегического планирования, а также за ошибки, допущенные при их разработке? Ведь если некоторая цель или задача не достигнута, то в этом, как правило, кто-нибудь виноват: или лицо, которое поставило заведомо невыполнимую цель или задачу, или лицо, которое занималось претворением плана в жизнь. А если достижению запланированных результатов помешали некие внешние обстоятельства, то необходимо выяснить, все ли риски были учтены при планировании. Представляется, что механизм привлечения к юридической ответственности участников стратегического планирования может быть отнесен к числу мер, направленных на совершенствование стратегического планирования

5. Есть определенные замечания по структурированию материала. Диссертация состоит из шести параграфов, отличающихся друг от друга не только по содержанию (что естественно), но и по объему. Так параграф первый главы первой занимает более 45 страниц текста, в то время как параграф третий главы первой и параграф первый главы второй состоит из чуть более 10 страниц. Было бы интересно узнать, какими причинами объясняется данная диспропорция.

Официальный оппонент - Еремин Эдуард Викторович, кандидат юридических наук, отмечает следующие вопросы, требующие уточнения.

1. Формулировка некоторых задач диссертационного исследования представляется достаточно спорной. Диссертант поставил, среди прочих, задачи «изучить отечественную и зарубежную историю реализации механизмов стратегического планирования в целях выявления особенностей и закономерностей их развития» и «Рассмотреть общие положения действующего законодательства о стратегическом планировании в контексте их практической реализации органами исполнительной власти». Думается, следовало вместо глаголов «рассмотреть», «изучить» использовать глаголы «обобщить», «раскрыть», «выявить» и пр.

2. Не вполне ясно, что диссертант имел в виду, когда в положении на защиту № 9 пишет о вовлечении представителей общественности как на этапе подготовки документов стратегического планирования, так и при их реализации. Участие общественности в подготовке документов стратегического планирования несомненно проявляется в общественном обсуждении проектов нормативных актов. Но как именно общественность может вовлекаться в реализацию документов стратегического планирования? Диссертанту следует раскрыть это подробнее.

3. В этом же положении диссертант пишет о системе контроля за исполнением документов стратегического планирования. Но уместно ли здесь говорить о контроле? Автор сам отмечает возможность добровольного участия в реализации документов стратегического планирования хозяйствующих субъектов,

но контролю подлежат лишь унитарные предприятия со стороны органов исполнительной власти, выполняющих функции учредителей. Корректировка действий государственных унитарных предприятий вполне соответствует устоявшимся представлениям о государственном контроле. Но как же «корректировать» деятельность, например, акционерных обществ без государственного участия, если в их отношении может проводиться лишь надзор, в предмет которого входит лишь законность решений и действий, но никак не их целесообразность?

4. В том же девятом положении диссертант пишет о выделении в структуре федеральных органов исполнительной власти отдельного органа, осуществляющего постоянный внешний контроль за разработкой документов стратегического планирования и их реализацией с использованием ресурсов Национальной системы управления данными. Но уже на странице 158, в выводах к параграфу, автор пишет о выделении в структуре государственного аппарата отдельного органа, ответственного за обеспечение согласованности разрабатываемых документов по показателям и выделяемым ресурсам. Диссертанту следует определиться.

Если следовать положению на защиту, то возникают резонные вопросы: как один федеральный орган исполнительной власти сможет обеспечить внешний контроль за другими федеральными органами исполнительной власти? Кому осуществлять постоянный контроль в отношении документов стратегического планирования, принятых Правительством РФ?

Названный выше вывод ко второму параграфу второй главы («Административно-правовое регулирование системы документов стратегического планирования (на примере документов стратегического планирования, принимаемых на федеральном уровне)») представляется более убедительным, но всё-таки, почему бы вместо создания отдельного государственного органа не наделить соответствующими полномочиями Счётную палату РФ или Контрольное управление Администрации Президента РФ?

Диссертант сконцентрировался преимущественно на стратегическом планировании в системе федеральных органов исполнительной власти (что оправдано масштабом работы). Было бы полезно в перспективе оценить, в какой мере выявленные административно-правовые закономерности и разработанные рекомендации могут быть адаптированы для субъектов РФ и местного самоуправления. Расширение анализа на другие уровни публичного управления позволило бы полученным научным результатам обрести еще большую универсальность.

Вместе с тем официальные оппоненты и ведущая организация отмечают, что поставленные вопросы не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования А.Г. Добкина, а носят дискуссионный характер.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается их соответствием требованиям, предъявляемым Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, наличием у них соответствующих компетенций и большого числа публикаций, посвященных вопросам, имеющим большое теоретическое и практическое значение, близких к тематике диссертационного исследования А.Г. Добкина.

Соискатель имеет 8 опубликованных работ (общий объем составляет 4,49 п.л.), в том числе по теме диссертации опубликовано 4 работы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1) Добкин, А.Г. О правовом регулировании состава участников стратегического планирования на федеральном уровне / А.Г. Добкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 6 (58). — С. 179–185;

2) Добкин, А.Г. О контроле и ответственности в сфере стратегического планирования / А.Г. Добкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6 (82). — С. 170–176;

3) Добкин, А.Г. О системе документов, принимаемых в рамках целеполагания при осуществлении стратегического планирования на федеральном уровне / А.Г. Добкин // Административное право и процесс. — 2021. — № 9. — С. 74-76;

4) Старостин, С.А., Добкин, А.Г. О планах деятельности федеральных органов исполнительной власти как документах стратегического планирования / С.А. Старостин, А.Г. Добкин // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — № 41. — С. 77–85.

Публикации соискателя соответствуют теме диссертационного исследования и раскрывают его основное содержание. В диссертации отсутствуют недостоверные сведения об опубликованных соискателем работах, в том числе в части указания вида, авторского вклада и объема научных изданий.

На диссертацию и автореферат поступили положительные отзывы:

- профессора кафедры административно-правовых дисциплин федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» доктора юридических наук, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Романа Вадимовича Нагорных;

- заведующего кафедрой публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)" доктора юридических наук, доцента Светланы Витальевны Ивановой;

- доцента кафедры административного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидата юридических наук доцента Любови Сергеевны Комовкиной;

- старшего преподавателя кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического Института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук Луизы Сираждеддиновны Булгаковой.

В отзыве Р.В. Нагорных в качестве замечания высказано, что автору в ходе публичной защиты следует пояснить свою позицию относительно необходимости подготовки «единого нормативного правового акта федерального уровня, определяющего общие требования к порядку осуществления органами исполнительной власти стратегического планирования, включающего унифицированные требования к процессу разработки документов стратегического планирования, требования к их содержанию, а также порядок пересмотра (актуализации)» (с. 21) и конкретизировать свое предложение в этой части.

В отзыве С.В. Ивановой высказано замечание о том, что автору следовало больше внимания уделить проблемам реализации документов стратегического планирования.

Л.С. Комовкиной в отзыве на автореферат отмечается, что в автореферате на стр. 25 автор обосновывает необходимость «наделения одного из федеральных государственных органов полномочиями по определению порядка единого взаимодействия государственных органов в сфере стратегического планирования, общих требований к содержанию и структуре документов стратегического планирования, а также их актуализации», а на стр. 27 предлагает «выделить в структуре федеральных органов исполнительной власти отдельный орган, обеспечивающий реализацию полномочий по контролю и мониторингу разработки и исполнения документов стратегического планирования на федеральном уровне». При этом не понятно, идет ли речь о наделении перечисленными полномочиями одного из существующих федеральных государственных органов (тогда какого?) или о необходимости формирования нового (двух?) федерального органа исполнительной власти? В этой связи автору следовало бы уточнить свою позицию.

Отзыв Л.С. Булгаковой замечаний не содержит.

Диссертационный совет отмечает, что диссертация Добкина А.Г. на соискание ученой степени кандидата юридических наук, является научно-квалификационной работой, содержащей решение научной задачи, имеющей значение для развития публично-правовых наук.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- соискателем выделены основные признаки стратегического планирования как функции органов исполнительной власти, определены основные виды правоотношений в сфере стратегического планирования, относящиеся к предмету административного права;

- с теоретических позиций рассмотрен правовой статус документов стратегического планирования как правовых актов управления, сформулированы подходы к дифференциации основных видов документов стратегического планирования – прогнозов, доктрин, концепций, стратегий и программ;

- установлены ключевые недостатки правового статуса и нормативной иерархии действующих документов стратегического планирования, а также предложены практические подходы к их устранению;

- классифицированы полномочия органов исполнительной власти, реализуемые в рамках осуществления стратегического планирования, подготовлены предложения по их законодательному разграничению;

- аргументирован вывод о необходимости развития правовых механизмов участия в стратегическом планировании представителей общественности – как на этапе подготовки документов стратегического планирования, так и при их реализации. На основании отечественного и зарубежного опыта сформулированы предложения по созданию правовых механизмов вовлечения хозяйствующих субъектов в реализацию документов стратегического планирования.

Диссертационное исследование вносит вклад в развитие теоретических представлений о правовом регулировании стратегического планирования, а также стимулирует последующую научную разработку проблем и вопросов осуществления стратегического планирования органами исполнительной власти.

Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин «Административное право», «Система стратегического планирования в Российской Федерации», «Теория государственного управления», подготовке и реализации образовательных программ дополнительного профессионального образования, а также разработке методических рекомендаций для работников органов исполнительной власти, участвующих в осуществлении стратегического планирования.

Оценка достоверности результатов исследования выявила:

- диссертантом использован разнообразный юридический инструментарий, позволяющий раскрыть тему диссертации и получить новые и обладающие научной новизной результаты;

- диссертационное исследование основано на обширной теоретической и эмпирической базе, обусловившей достоверность сформулированных выводов и защищаемых положений;

- диссертант обладает навыками научно-исследовательской работы, навыками критического анализа теоретических положений и эмпирического материала; основные результаты диссертации апробированы в публикациях и выступлениях соискателя на научных мероприятиях.

Личный вклад соискателя состоит в перечисленных выше достижениях, а также в непосредственной разработке теоретической основы диссертации, формулировании основных положений и выводов; в личной апробации результатов исследования, подготовке научных статей по теме диссертации. Сведения о публикациях, в которых отражены основные результаты диссертации, выводы и предложения автора, достоверны.

В ходе защиты диссертации были заданы следующие вопросы.

Нарутто С.В.: «Как Вы считаете, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, где отдельно выделяются специальные направления развития для геостратегических территорий, для Арктики, приарктических территорий, является нормативным правовым актом или нет?

Рассматривался в диссертации вопрос муниципального стратегического планирования?»

Агафонов В.Б.: «Вопрос по положению № 4, выносимому на защиту, где Вы приводите авторскую классификацию документов стратегического планирования. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» указывает еще в четвертой группе планы и программы. Программы Вы отметили, а вот планы в какую бы группу Вы отнесли?».

Зубарев С.М.: «Алексей Геннадьевич, Вы вначале сказали, привели пример именно Единого плана правительства по достижению национальных целей, как документа стратегического планирования, а в ответе сейчас Вы говорите, что планы нельзя относить к документам стратегического планирования, так как они имеют оперативный характер. Нет ли здесь противоречия?».

Выпханова Г.В.: «Алексей Геннадьевич, у меня вопрос по Вашему определению «государственное стратегическое планирование», предлагаемая дефиниция.

Как я поняла из Вашего выступления, Вы отрицаете обоснованность легального определения понятия стратегического планирования в самом законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Критика прозвучала в Вашем выступлении. В Вашем определении Вы делаете акцент, выделяя такие правовые признаки, как управленческая деятельность, которую Вы связываете с созданием системы институциональных и организационно-правовых механизмов.

Скажите, пожалуйста, как можно в процессе стратегического планирования как управленческой функции создать то неизвестно для чего? Нужно же определить цель, задачи. У нас как раз выделяют сначала этап целеполагания, прогнозирования, когда нужно определить показатели, индикаторы, когда нужно определить программные мероприятия. Как раз там, за стратегиями реализуется через программы, планы, ответственные исполнители, сроки, финансирование. То есть сразу все видно, прозрачно. Кстати, во всех стратегиях есть эти институциональные организационно-правовые механизмы, со студентами их рассматриваем, через что, где идет связь нормы и права. Причем, где уже нужно норму права создать, внести или новый закон, восполнить пробелы. Но это все идет от госполитики, которая определяется, в том числе это документ как госполитики. Ну хорошо, рассматривали как функцию управления. Уже согласна и с этим. Но как можно без этих всех предварительных этапов? Вы, отрицая, никак не соотносите легальное определение. Вы взяли, дали, заменили свое, а сказали, что нет, легальное определение – это неправильно. Объясните, пожалуйста, этот момент.

Второй момент. Сообразно понятию, которое дано стратегическому планированию в законе, у нас строится перечень документов стратегического планирования. Можно уточнить, на каком основании Вы относите к числу документов стратегического планирования доктрины?

Третий вопрос. Скажите, пожалуйста, вся динамика, не просто статика, а динамика процесса стратегического планирования, отраженная в Основах государственной политики в области стратегического планирования, где все сказано по этим этапам, где нужна корреляция, преемственность, соотношение, согласование, мониторинг, контроль исполнения, восполнение пробелов. То есть вся динамика там прописана как раз в механизме. Вот это Вы учитывали при обосновании своих таких положений или нет?».

Отческая Т.И.: «Будьте добры, Алексей Геннадьевич, Вам уже задали много вопросов, но у меня вопрос по пятому положению, выносимому на защиту. Вы говорите, что главным недостатком является недостаток действующего правового регулирования в этом вопросе. В принципе этому и посвящена Ваша диссертация. Так ведь? Но объемный массив принятых документов этого планирования не синхронизирован по субъектам принятия, целям и задачам. Что Вы по этому поводу предлагаете для всей страны, регионов, даже каких-то хозяйствующих комплексов?».

Соискатель Добкин А.Г. аргументированно ответил на заданные ему в ходе заседания вопросы.

Диссертационный совет пришел к выводу, что диссертация А.Г. Добкина представляет собой самостоятельную, завершенную работу и соответствует критериям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного

постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

На заседании 7 октября 2025 г. диссертационный совет принял решение присудить Добкину Алексею Геннадьевичу ученую степень кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 17 человек, из них 17 докторов наук по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, участвовавших в заседании, из 17 человек, входящих в состав совета, проголосовали: за — 17 , против — 0, недействительных бюллетеней – 0.

Заключение подготовили:

Доктор юридических наук, профессор Ю.В. Степаненко

Доктор юридических наук, профессор А.М. Осавелюк

Председатель
диссертационного совета,
д.ю.н., профессор О.В. Болтинова

Ученый секретарь
диссертационного совета,
д.ю.н., доцент Ю.К. Цареградская

07 октября 2025 года